

СИТУАЦИИ ИНСТРУКТИРОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ)

М.А. Кулькова

Россия, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
msoldatowa@list.ru, mkulkowa@rambler.ru

Целью настоящей статьи является изучение паремиологических текстов, репрезентирующих фрейм «Инструкция», с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. Под паремиями мы понимаем самостоятельные высказывания безапелляционного характера, представляющие продукт многовековой народной рефлексии и направленные на моделирование человеческого поведения. В качестве эмпирического материала выступают тексты русских народных примет (НП), объединенные единой иллокутивной функцией – проинструктировать потенциального Адресата в отношении ведения сельского хозяйства, животноводства, а также иных видов деятельности.

С точки зрения коммуникативно-прагматического подхода народные приметы – это, на наш взгляд, материализованные в письменной или устной форме фрагменты речевой ситуации, представляющие некий образец поведения в определенных жизненных условиях. «Являясь образованием вторичной номинации, приметы реализуют когнитивную обработку некоторых знаний об окружающей действительности, выступая в качестве дополнительного способа языковой репрезентации существующих концептов» (Кулькова М.А., 2005: 34). Согласно тонкому замечанию В.К. Харченко и Е.Е. Тонковой, «приметы несут в себе познавательный потенциал, имеют большую этнографическую, языкотворческую и художественную ценность» (Харченко В.К., 2008: 13). Уникальной особенностью текстов НП является их прогностическая сущность, репрезентированная на поверхностном уровне в виде простых и сложных предложений особого, кондиционально-темпорального типа (подробнее об этом см. (Фаттахова Н.Н., 2002), (Фаттахова Н.Н., 2004)). Коммуникативно-прагматический подход позволяет выявить семантику предсказательности исследуемых паремий на уровне глубинных структур в виде присутствия перформативности, определяющей характер побудительной модальности высказывания: предупреждение, запрещение, разрешение, наказ, совет, инструкция и т.д.

Теоретические основы коммуникативно-прагматической лингвистики были заложены Н.Ф. Алефиренко, В.С. Храковским, А.П. Володиным, Л.А. Бирюлиным, Г.Г. Почепцовым, Е.И. Беляевой и некоторыми другими учеными. Особого внимания заслуживает глубокое монографическое исследование Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко Н.Ф., 2008), в котором автор подробно описывает когнитивно-прагматическую

парадигму современной фразеологии, выявляя важнейшие предпосылки проведения фреймового анализа фразеологических единиц.

Понятие «фрейм», введенное в научный обиход американским ученым М. Минским применительно к области искусственного интеллекта, прочно закрепилось в современной лингвистике и является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики. Анализ научной литературы по данной проблематике позволяет охарактеризовать фрейм как «структуру данных для представления стереотипной ситуации» (Минский М., 1979: 7), как «унифицированную схематизацию опыта» (Филлмор Ч., 1988: 54), как «комплексное знание, заданное в форме стереотипных значимых ситуаций» (Демьянков В.З., 1996: 187). По мнению Т.А. ван Дейка, «фреймы не являются произвольно выделяемыми «кусками» знаний» (Дейк Т.А. ван, 1989: 16). Как отмечает автор, они организуются вокруг некоторого концепта и содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, ассоциируемую с тем или иным концептом (см. Дейк Т.А. ван, 1989: 16–17).

Согласно нашим представлениям, коммуникативно-прагматический фрейм, являясь одной из разновидностей концепта, формируется в виде комплексной многоуровневой структуры коммуникативного сознания, организующейся в соответствии с действующими в конкретном лингвокультурном обществе правилами речевого общения, нормами этикета и соответствующими ограничениями в сфере вербального и невербального поведения.

При внимательном анализе паремиологического материала с коммуникативно-прагматической точки зрения нами был выделен коммуникативно-прагматический фрейм «Инструкция», совмещающий в себе черты прескриптивного и превентивного речевых актов.

К отличительным чертам инструктирующих речевых актов (ИРА), или инструктивов, можно отнести следующие:

- 1) использование индикативной формы глагола;
- 2) отсутствие категоричных слов и словосочетаний в тексте инструкции;
- 3) инструкции содержат, как правило, полную информацию об условиях и характере совершаемого действия: время действия, объект действия, место действия и т.д.;
- 4) помимо подробного описания алгоритма действий инструкции могут содержать текст заговора.

Основными маркерами ИРА являются индикативные формы глагола 3 л. ед. и мн. ч. наст. / прош. вр., либо сочетания модального компонента *следует* и инфинитивной формы глагола:

*«На Юрья коней крестами **кормят** (испеченными в Крещенье)»* (Даль), *«Гречу **сеют** либо за неделю до Акулины, либо неделю после Акулины»* (Даль), *«На Ивана постного **убирали** репу»* (Грушко), *«С Исаакия встарь **садили** бобы, вымоченные в «озимой воде» (натаянной из мартовского*

снега). При этом **приговаривали**: «Уродитесь, бобы, и круты, и велики, на все доли, на старых и малых!» (Грушко), «На Петра и Павла **срывали** ягоды рябины и кистями **вешали** под крышу» (Грушко), «Если во время созревания малины первые ягоды бывают крупные, то рожь **следует сеять** раньше; при мелких же ягодах средний или поздний посев ржи лучше» (Грушко) и т.д.

Таким образом, индикативное наклонение находит применение в регулятивных высказываниях в тех случаях, когда Говорящий старается подчеркнуть свое авторитетное положение в социуме и уважительное отношение к потенциальному реципиенту, предоставляя ему альтернативные варианты действий. Адресат относится к релевантным факторам, влияющим на формирование высказывания. Повлиять на мнение реципиента автор пытается путем использования **тактики привлечения поведенческих шаблонов**, делая основной акцент на имеющемся предыдущем опыте взаимодействия с окружающей действительностью и экспектацией появления уважительного отношения к опыту предыдущих поколений и доверительного отношения к Говорящему. Предполагается, что продуцент искренен в своих интенциях поделиться опытом, и опыт этот имел положительный результат. Указанная тактика, связанная с явлением стереотипизации человеческого мышления, способствует выработке программы поведенческих актов по предлагаемому шаблону, основываясь на уподоблении, «которое в мифологическом сознании сливается с отождествлением» (Мечковская Н.Б., 2004: 281).

Семантическая структура инструктивов часто содержит лишь один компонент – обозначение рекомендуемого действия. Однако возможно также появление еще одного компонента в семантической структуре ИРА – номинации результата прескриптируемого действия, представленного в придаточной части предложения. Наличие / отсутствие аргументов, объясняющих необходимость совершения конкретного действия, является в определенном смысле «индикатором» степени категоричности инструкции:

«**Чтобы иметь лошадей добрых, в теле, следует класть в конюшне кусок дерева, расщепленного молнией**» (Грушко), «В чистый четверток золу выносят в курятник, **чтоб куры неслись**» (Даль), «При скотском падеже нанизывают на нитку поболее луковиц и чесночных головок и привязывают на шею домашним животным, **чтобы не заразились**» (Грушко).

Как правило, модусная часть ИРА представлена в высказывании в имплицированном виде. Если развернуть прагматический смысл инструктива, то в качестве «пропущенного звена» окажется следующее: <Если хотите / хочешь *получить высокий урожай*¹, то знайте / знай, что:

---

¹ Возможны различные вариации экспликации желания.

...>. Например, в развернутом варианте прагматический смысл приметы «Накануне Благовещенья сеют горох» (Даль) можно представить следующим образом: <Если хотите / хочешь получить высокий урожай гороха, то знайте / знай, что горох следует сеять накануне Благовещенья>.

Как отмечает Т. А. ван Дейк, «составляющие последовательность речевые акты не обязательно должны быть одного и того же «уровня». Так же как и в дискурсе и в сложном предложении, мы и между речевыми актами можем найти отношения «подчинения» и «доминирования», например когда некоторый речевой акт является *вспомогательным* по отношению к другому» (Дейк Т.А. ван, 1989: 36). В полиинтенциональных речевых актах инструктивы могут выступать как в роли вспомогательного, так и основного речевого акта, например:

«С Георгия начинают садить свеклу, сеять морковь и рассаду: сей рассаду на Георгия – будет щей вдоволь» (Грушко), **«Пришла Василиса – со льнами торопися: их спешно белят»** (Грушко).

Сценарий убеждения в рамках активизации процесса объективации коммуникативно-прагматического фрейма «Инструкция» при условии отсутствия коммуникативных неудач можно представить следующим образом:

1. А убежден в том, что определенное действие С желательно для В.
2. А хочет, чтобы В совершил С.
3. А сообщает В: «Делают С, (чтобы D)».
4. В принимает сообщение А и осмысливает его.
5. В следует инструкции А и выполняет С.

Важно при этом учитывать тот факт, что коммуникативные неудачи могут возникнуть на любом этапе порождения и восприятия речевого акта, поскольку дискурсивные образования, в том числе и НП, «следует рассматривать в органическом единстве с сопутствующими прагматическими обстоятельствами общения: замыслом отправителя сообщения, пресуппозитивным фоном, условиями общения, интерпретацией и пониманием сообщаемого» (Алефиренко Н.Ф., 2005: 220).

Как показал анализ практического материала, ситуации инструктирования наряду с множеством других частных прагматических значений побудительной модальности, актуализирующихся в ткани текстов НП, характеризуются антропоцентрической направленностью и носят бенефактивный характер. Выбор лексических и грамматических средств языкового отображения ситуаций инструктирования обуславливается пресуппозициями Адресанта и Адресата, коммуникативными условиями общения, возможностями частно-апперцепционной базы Адресата, адекватностью его реакции на высказывание.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. М.: Флинта, 2005. 416 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. М.: ООО Изд-во «Эллис», 2008. 271 с.

Брутян, Г.А. Очерк теории аргументации / Г.А. Брутян. Ереван: Изд-во АН Армении, 1992. 303 с.

Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

Демьянков, В.З. Фрейм / В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. С. 187–189.

Кулькова, М.А. Язык и природа: лингвистика немецких и русских народных примет / Кулькова М.А. Казань: «Школа», 2006. 192 с.

Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций / Н.Б. Мечковская. М.: «Академия», 2004. 432 с.

Минский, М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. / М. Минский. М.: Энергия, 1979. 152 с.

Фаттахова, Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках / Н.Н. Фаттахова. Казань: «Школа», 2002. 168 с.

Фаттахова, Н.Н. Народные приметы в русском и татарском языках: семантико-синтаксические отношения / Н.Н. Фаттахова. Казань: РИЦ «Школа», 2004. 192 с.

Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике, 1988. Вып. 23. С. 52–92.

Харченко, В.К. Лингвистика народной приметы / В.К. Харченко, Е.Е. Тонкова. Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. 224 с.

Резюме: В настоящей статье рассматривается вопрос о способах представления ситуаций инструктирования в текстах русских народных примет. Многоуровневый анализ языкового материала осуществляется с помощью коммуникативно-прагматического подхода, позволяющего продемонстрировать специфические черты инструктирующих паремиологических высказываний в русском языке.

Abstract: The article under consideration deals with peculiarities of representing of situations of instruction in the texts of Russian folk superstitious believes. Multilevel analysis of the material is done through a communicative-pragmatic approach to reveal specific features of instructing paroemiologic utterances on the Russian language.